

ЛЮБОВЬ К ЖИЗНИ

КНИГИ
ИРИНЫ МУРАВЬЁВОЙ —
ПОДЛИННОЕ УКРАШЕНИЕ
ВАШЕЙ БИБЛИОТЕКИ,
ИЗЫСКАННАЯ ПРОЗА
ДЛЯ НАСТОЯЩИХ ГУРМАНОВ
В ЛИТЕРАТУРЕ:

- Любовь фрау Клейст
- Веселые ребята
- Портрет Алтовити
- День ангела
- Напряжение счастья
- Сусанна и старцы
- Жизнеописание грешницы Аделы
- Отражение Беатриче
- Страсти по Юрию
- Вечер в вишневом саду
- Полина Прекрасная
- Райское яблоко
- Соблазнитель
- Имя женщины — Ева
- Ты мой ненаглядный!
- Дневник Натальи
- Елизаров ковчег
- Младенческие опыты женщины
- Шестая повесть И.П. Белкина
- Сады небесных корней

Семейная сага «Я вас люблю»:

- Барышня
- Холод черемухи
- Мы простимся на мосту

ИРИНА МУРАВЬЁВА

ПОРТРЕТ АЛТОВИТИ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М91

Художественное оформление серии
А. Старикова

Муравьева, Ирина.
М91 Портрет Алтовити / Ирина Муравьева. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Любовь к жизни).

ISBN 978-5-04-088925-9

Мир маленькой семьи, приехавшей в Москву из Нью-Йорка, рушится, когда героиня романа Ева Мин, американка русского происхождения, встречает режиссера одного из московских театров. Ради своей семнадцатилетней дочери она порывает с любимым человеком и возвращается в Нью-Йорк. Но жизненное благополучие не восстанавливается ни решительными поступками, ни судьбоносными жертвами, ни раскаянием. И Еве Мин, и ее дочери предстоит убедиться в том, что страдание, которое сопутствует любви, и есть одна из самых мощных загадок человеческого сердца.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-088925-9

© Муравьева И., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Доктор Груберт почувствовал взгляд на своем затылке и оглянулся. Она была в черном открытом платье, бисерная сумка через левое плечо.

Может быть, японка, хотя для японки слишком высока. Кроме того, несмотря на восточные глаза и высокие скулы, очень белая кожа и удлинённый овал говорили о том, что к ее японской или китайской примешалась сильная северная кровь.

Он успел подумать, что это лицо напоминает один из многочисленных портретов Модильяни, и хотел было уже отвернуться, но она продолжала смотреть на него так, словно во всем зале не было никого, кроме них двоих.

Доктор Груберт растерялся.

К ней подошла угольно загорелая старуха в блестящих шароварах, которую он много раз видел по телевизору, но кто она, не помнил. Старуха слегка было заслонила ее от доктора Груберта, но она, улыбаясь, отступила на шаг в сторону.

Сверкнув шароварами, старуха отошла.

* * *

...Яркая белизна, лоб и виски отливают перламутром, нет, это не косметика, меня не проведешь, грудь маленькая, сошла бы для подростка, руки худы, она слегка сутулится, но шея у нее длинная и молодая. Ро-

динка на открытом плече, еще две яркие родинки на ключице — это хорошо, иначе кожа казалась бы слишком фарфоровой, неживой.

* * *

...Помахала кому-то рукой, опять улыбнулась. Несмотря на улыбку, лицо осталось грустным.

Наконец она отвела глаза и сделала несколько шагов по направлению к столу с фруктами и бутылками.

Склонила голову над тарелками, выбирая. Высокая прическа, шелковая белизна спины.

Облокотилась о краешек стола худой рукой.

— А я смотрю и думаю: вы или не вы! — лающий голос над ухом.

Доктор Груберт оглянулся.

Бил Лекае. Теперь не отвяжешься.

— Кто это? — спросил доктор Груберт, указывая подбородком на женщину с бисерной сумкой.

— Эта? — усмехнулся Бил, выставив надраенные лошадиные зубы. — Моя старинная приятельница. Крепкий орешек. Мать ее была русской. Из русских дворян, знаете. Я ее еще застал. Любопытная вообще семейка, я все хотел ее описать. Дело в том, что...

— Кто она?

— Издательство «Гланц и Мин», не слышали? Муж был родом из Швейцарии, профессор славистики, они жили в Москве года два, издательство какое-то время процветало, много печатали вещей из России, да и не только из России, из всей Восточной Европы, и год, что ли, назад муж умер. Станный был тип. Но самое ужасное — это, конечно, история с дочкой. Вот уж действительно: горе! — Лекае сморщился и покачал головой. — В наших кругах о них много сплетничали.

— Почему?

— *Belle femme aime jouer de malheur!* Красивая

женщина притягивает несчастья! — хохотнул Лекае, словно с помощью французской пословицы решил забыть обо всем неприятном.

Доктор Груберт не спросил, что за история с дочкой.

— Познакомить? — оживился Лекае. — Пошли!

Она встретила их приближение улыбкой, но улыбка ее показалась слишком восторженной и не понравилась доктору Груберту.

— Позволь представить тебе доктора Саймона Груберта, — развязно заговорил Лекае, целуя ее в щеку, — ты, моя дорогая, прелестно выглядишь...

— А это становится все труднее, — она через силу, как показалось доктору Груберту, улыбнулась темно-малиновыми губами, слишком яркими на таком нежном лице, и протянула руку.

Рука была сухой и горячей.

— Очень рада, — сказала она, — Ева Мин.

Глаза ее вели себя так же, как губы: улыбались через силу.

Она поправила прическу, взглянула на него исподлобья.

...Какие красивые у нее эти родинки: на плече и на правой ключице.

— Скоро приволоку тебе свой новый роман. — Лекае выпучил глаза. — Нарочно мотался в Россию...

— В Россию?

— Ну да. Выдаю вам обоим огромную тайну... — Лекае зажал рот руками и оглянулся, словно боясь, что его подслушивают. — Сюжет такой, что требовал моего присутствия...

— Где? — спросила она. — В Москве?

Доктор Груберт обратил внимание, что она очень тонка в талии, но кожа ее белых рук суховата и выдает возраст.

— В какой Москве? В несусветной глуши! — Лекае

в ужасе схватился за подбородок. — Нижний Новгород! Недалеко от Москвы, но провинция, деревня, хуже Огайо! В гостинице выдавали по одному полотенцу на сутки, такому вот махонькому, — показал руками размер, — спать невозможно от духоты, никаких кондиционеров, но я, представьте себе, не только выжил, но и получил огромное удовольствие!

— Каким образом? — поинтересовался доктор Груберт.

— Я переехал на квартиру к следователю, который вел дело моей героини, и мы отлично проводили время! У меня была своя комната с небольшой терраской. Каждый день засиживались допоздна, выпивали. Жена его варила нам шикарные борщи! Этот парень мне многое рассказал. Без него я бы не разобрался. Правда, он хитер, но русские вообще хитроваты.

— Комплимент мне, надеюсь? — засмеялась Ева.

— Ева, как я уже сказал, наполовину русская, — заговорщицки сообщил Лекае, — попросите ее рассказать вам...

Он не закончил, потому что Ева перебила его:

— Так о чем же роман?

— Роман! — восторженно Лекае и так энергично переступил с ноги на ногу, что лакированные башмаки его скрипнули, словно запросив пощады. — О, роман будет потрясающим! Ты знаешь, я не хвастун, но в данном случае работает тема. Пишу от лица простой русской женщины, жительницы города Владимира, которая убила двоих любовников. Такая, я бы сказал, вамп-леди. Что скажете? Убила двоих, и никто ничего не подозревал, пока с третьим не вышла осечка!

— Осечка? — Ева положила в рот продолговатую виноградину, но не проглотила ее, зажала между зубами.

На черной виноградине выступила капля черного сока.

— Третьего она полюбила. У этих монстров ведь

иногда возникают свои привязанности, все это непредсказуемо, — захлебнулся Лекае и, жестикулируя, выплеснул на пол немного вина. — Я тут консультировался с психиатрами. И вот, представьте себе, она полюбила третьего, который был моложе ее, кажется, на восемнадцать лет, а ей — тридцать восемь, хотя по виду гораздо старше, я бы ей дал не меньше сорока пяти...

— Красивая? — спросил доктор Груберт.

— Ну, как вам сказать? Славянское лицо, широкие скулы, глаза немножко раскосые — у них там, в России, были татары, триста лет, если не больше, все, конечно, перемешалось, отсюда и дикость! Дикость! А так, конечно, с породой: коса, грудь, выпуклые губы, но глаза! Глаза сумасшедшей! Меня не обманешь!

— Как же она убивала? — нахмурилась Ева. — И, главное, за что?

— Ни-ни-ни! — отшатнулся Лекае и снова плеснул вином на пол. — Вот этого я не расскажу! Только в романе! Причем на подлинном фактическом материале! Я перевоплощаюсь, представьте себе! Все от ее лица! Меня нет! Я — русская гражданка, жительница Владимира, Катерина Сливкина, имя, конечно, изменено, но любопытно, что «Сливкина» — это по-английски что-то вроде «creamer»! Двое детей, мальчик и девочка, приличный муж, учитель физкультуры в школе. А любовников между тем убила! Двоих! Дала им выпить снотворное и потом ввела инсулин, смертельную дозу!

Ева Мин вдруг закашлялась и ярко покраснела.

— Откуда у нее инсулин? — спросил доктор Груберт.

— Ах, я и не сказал! — подпрыгнул Лекае. — Она работала главной медсестрой в большом госпитале, а там такой беспорядок, в России! Везде, и в госпиталях тоже! Ничего не стоит украсть, отлить, отсыпать, никто ничего не считает!

— И весь роман будет от первого лица? — Доктору Груберту вдруг захотелось, чтобы Лекае с его брызгающей во все стороны разноцветной слюной и запахом копченостей изо рта оставил их в покое.

— Да! От начала и до конца! До смертной казни, до того, как преступница в последний раз услышит человеческий голос! То есть до окончательного, представьте себе, конца! До наступления тьмы!

— И не страшно вам, Бил? — усмехнулся доктор Груберт.

Ева Мин внимательно посмотрела на него исподлобья, словно хотела убедиться в том, что правильно расслышала эту реплику.

— А вы, мистер Груберт, — медленно спросила она, — будь вы писателем, начали бы, наверное, с того, как преступница попадает сразу в ад?

Доктор Груберт пожал плечами.

— Я не представляю себе ада, — отводя глаза от ее слишком блестящих глаз, сказал он. — Думаю, что там, — неопределенно помахал рукой в воздухе, — другие дела, менее понятные. Ад — слишком уж человеческая идея.

— А рай?

— Рай — совсем не по моей части. Я — человек грешный...

Лекае смотрел на них с удивлением.

— Пойдемте потанцуем, — вдруг сказал ей доктор Груберт.

Залпом допил свое шампанское, поставил на стол пустой бокал и взял ее за руку.

Горячее сухое тепло ее пальцев перебежало в его ладонь, ладонь загорелась. Они медленно задвигались в такт музыке. Оказалось, что она не так уж высока: лоб его почти упирался в ее высоко зачесанные блестящие волосы.

Волосы пахли жасмином.

* * *

...Накануне его дня рождения они, как обычно, приехали в Сэндвич к родителям.

Было совсем рано, когда доктор Груберт неожиданно проснулся и, испугавшись чего-то, вскочил с постели.

Подошел к окну комнаты и тут же — сквозь слабый, дрожащий дождь — увидел их.

Мать стояла над отцом, который лежал рядом с кустом жасмина. Она не плакала, не звала на помощь и была так же неподвижна, как он.

Серый платок, накинутый поверх серого платья, делал ее похожей на одно из тех тусклых гипсовых украшений, которые стоят в городском парке Сэндвича.

Куст жасмина рос у самого крыльца. Он был густо усыпан цветами, запах которых проникал даже сквозь закрытые окна автомобиля.

Отец всегда говорил, что запах жасмина и ландышей возвращает ему детство.

* * *

Связь между смертью отца и этим запахом жасмина была настолько сильной, что доктор Груберт приостановился.

Черные волосы Евы Мин коснулись его рта.

— Я немножко не понял, — смутившись, спросил он, — ваша мать была русской?

— Они бежали от большевиков. Кажется, в двадцатом или двадцать первом году попали в Китай. Там была большая русская колония.

— Вы и родились в Китае?

— Вы, наверное, полагаете, что мне лет семьдесят? — Она засмеялась. — Нет, я родилась в Нью-Йорке.

— Часто бываете в России?

— Не очень, — неохотно ответила она и тут же

сменила тему: — А я и не спросила, какой именно вы доктор? Терапевт?

— Хирург. Пластическая и лицевая хирургия.

— Не может быть! — воскликнула она. Он уловил фальшь в ее восклицании. — А я как раз ищу именно такого хирурга!

— Вот так всегда, — усмехнулся он, — вы ищите хирурга, а я хотел за вами приударить.

Ему стало неприятно, что он так сказал.

Нахально и неумно.

Она испуганно улыбнулась.

— Вы знаете, я ведь вас увидела первая. Я хотела, чтобы вы подошли.

«Зачем?» — чуть было не спросил ее доктор Груберт.

— Я позвоню вам в клинику, — сказала она. — Можно, я позвоню вам в качестве пациентки?

Они остановились.

Музыка, оказывается, уже закончилась.

Ева засмеялась, подняла к нему лицо, и волосы ее снова коснулись его рта.

— Смотрите, — шепнула она, — никто уже и не танцует. Только мы с вами.

Прикосновение этих волос и душный знакомый запах словно парализовали его.

— Завтра я с восьми у себя в клинике. Звоните.

* * *

Она записалась на прием и через два дня пришла. Волосы ее были собраны в лоснящийся черный узел над длинной шеей. Она была слишком высока для китаянки. Да, слишком высока. Но тоска на ее удлинённом фарфоровом лице уже не бросалась в глаза так сильно, как на рождественском вечере.

— Я хотела бы сделать пластическую операцию.

Не сейчас, но, может быть, через полгода... — Торопливо улыбнулась: — Сэкономлю немножко и приду.

Он удивился этому странному тону.

Пришла на консультацию — пусть задает вопросы, какое мне дело до ее денежных обстоятельств?

— Если вы спрашиваете моего мнения, — сухо сказал доктор Груберт, — я советовал бы подождать. Мы вообще не рекомендуем делать эти операции до пятидесяти пяти лет, хотя...

Она перебила его:

— Но я ведь не для того, чтобы выглядеть моложе.

— А для чего? — нахмурился он.

— Для того, чтобы выглядеть иначе. — У нее забежали глаза. — Насколько это возможно, конечно.

«Еще одна психопатка», — с облегчением подумал доктор Груберт.

— Вы, конечно, решили, что я психопатка?

— Нет, — смутившись, пробормотал доктор Груберт, — можно, конечно, произвести некоторые манипуляции, освежить веки...

— Веки? — глаза остановились, и вдруг она спросила совсем другим, ясным и спокойным, голосом: — Могу ли я быть с вами откровенной?

Лучше всего было бы сказать ей что-нибудь, например, такое: «Не стоит».

Или: «Я не люблю смаковать тайны своих пациентов».

Вместо этого он сказал:

— Я рад буду помочь вам, миссис Мин.

— Не смогу сразу объяснить вам... — вздохнула она. — Бывает, что человек живет-живет, с ним что-то происходит, и, наконец, он чувствует, что больше не может. И тогда наступает время, — она сильно покраснела, — когда тебе все мешает. Лицо, тело... Не говоря уж о душе.

— К сожалению, я не сторонник... Бездны подсознания, психоанализ... Я не уверен, что...

— Вы, конечно, не заинтересованы в пациентах, — перебила она и засмеялась, — но чтобы уж так отпугивать!

— Я разве вас отпугиваю?

— Вы думаете, что я сумасшедшая, — полувопросительно сказала она.

Доктор Груберт отрицательно замотал головой.

— Думаете. — Она встала. — А мне просто хотелось прийти к вам и поговорить. Вот я пришла.

Он чувствовал, что не хочет ее отпускать.

— Подождите, — сказал он. — Куда вы торопитесь...

Она наклонила голову.

Выражение привычной затравленности, ненужное, неуместное на таком красивом лице, опять удивило его.

— Может быть, мы пообедаем сегодня вместе? — предложил доктор Груберт.

* * *

Дождь заливал вечерний Нью-Йорк, смывая остатки вчерашнего снега. Потоки черной воды неслись по улицам. Люди под зонтами возбужденно ловили такси, стоя по щиколотку в переливающихся лужах.

Пока он шел до стоянки, ноги успели как следует промокнуть. Машины передвигались медленно, скользили над мостовыми, в небе сверкали молнии.

У доктора Груберта сильно стучало сердце.

— Не хочется, — сказала Ева Мин, когда, освободившись от мокрых пальто, они усаживались за столик, — чтобы вы приняли меня за одну из своих многочисленных идиоток. Не обижайтесь, я про ваших пациенток говорю.

— Идиоток, конечно, много, — доктор Груберт приподнялся, чтобы повесить ее пальто на вешалку.

— Я хотела бы с вами поговорить, — вдруг сказала она. — Посоветоваться, может быть.

— Почему именно со мной?

— Потому что.

Точно так же отвечал иногда Майкл, когда был маленьким.

— Я знала, кто вы такой и чем занимаетесь. — У нее забегали глаза. — Простите меня за вранье. Месяц назад я попала на вашу лекцию в Принстоне. Совершенно случайно. Ушла под впечатлением.

Бред.

Неужели — если она сидела на лекции — он мог ее не заметить?

— Что же вас так потрясло в пересадке кожи? — усмехнулся доктор Груберт.

— Ничего. Но меня заинтересовали некоторые наблюдения о связи внешности с психикой.

Запах жасмина, словно осмысленное, капризное существо, вырвался из лоснящейся черноты ее волос и изо всех сил вцепился в него.

— Вы можете мне даже не отвечать, — сказала она. — То, что **я** хочу поговорить с вами, **вас** ведь ни к чему не обязывает.

Подошла официантка, высокая и полная, с ярко-золотистыми веками, в розовом, с черными разводами, кимоно.

— Заказывайте, Ева, — вздохнул доктор Груберт.

Заказали.

Официантка исчезла и через минуту вернулась с чаем и графинчиком сакэ.

— За вас, — сказал доктор Груберт.

— За нас, — поправила она. — Будете меня слушать?